

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2023, Том 6, №5

Подписано к публикации: 13.10.2023

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: historical@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://hb-journal.ru>

© Исторический бюллетень, 2023

Антоновская Е.А., Худолеев А.Н. Образ Лжедмитрия I в отечественной неклассической историографии XIX – начала XX в.	97-102
Чжан Сяолин, Ян Цзинхун К вопросу потенциального международного сотрудничества университетских аналитических центров в рамках ШОС (На примере сотрудничества между Шанхайским политико-юридическим университетом и университетами Центральной Азии)	103-107
Антонцева В.А., Цветков А.В. Коллаборационистская пропаганда в Локотском автономном округе в 1941-1943 гг.	108-113
Тюрин А.О. К вопросу о политическом хулиганстве в Советском Союзе во второй половине 1920-х – 1930-е гг.	114-120
Шкитронов М.Е., Войтенко О.В. История становления пожарной охраны в России	121-124
Исаков В.А. Доктрина Штадена: «Захватить, занять и удержать страну»	125-128
Антонов И.В. К вопросу о личности Хусейнбека	129-138
Бажанов Д.А. Начало становления леворадикального блока в столице Финляндии – Гельсингфорсе (июнь 1917 г.)	139-147
Дьяков С.И. Деятельность руководства Рязанского артиллерийского училища (РАУ) по подготовке командных кадров за два года до его расформирования	148-154
Кильмаматов Р.Р. Динамика численности казаков-мещеряков в кантонный период	155-160
Соколов-Брехунцов М.А., Шалаева Н.В. Проблема русского паломничества в современной отечественной историографии	161-166
Тедеева У.Ш., Хабдиева Л.Ч., Джазаева И.А.-А. Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны: содержание, ресурсы, возможности (по материалам газеты «Социалистическая Осетия»)	167-174
Киричук Д.В. Развитие консервативной публицистической мысли в России конца XIX – начала XX века	175-178
Сулейманов А.А. Основные факторы использования «ресурсов холода» в экономике Якутии в советский период	179-184
Глушанок Т.М., Кизлевыйнен М.М. Отражение в экскурсионной деятельности репрессий тридцатых годов двадцатого века	185-189

*Антоновская Е.А.,
Загорская средняя общеобразовательная школа, г. Новокузнецк,
Худолеев А.Н., доктор исторических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
Кемеровский государственный университет*

Образ Лжедмитрия I в отечественной неклассической историографии XIX – начала XX в.

Аннотация: статья посвящена изучению конструирования образа Лжедмитрия I в трудах неклассических отечественных историков XIX – начала XX в. Первый самозванец – самая загадочная фигура в истории Смутного времени. О нём было написано множество брошюр и книг в Европе, он стал важным персонажем первых европейских газет. Личность Лжедмитрия I интересовала не только историков, лжецарь становится главным героем в среде писателей, публицистов, литераторов и богословов. Анализ неклассической историографии, показывает, что нет однозначного мнения об образе самозванца. В это время начинаются дискуссии между историками, обсуждаются подходы к изучению исторических источников о лжецаре, оценивается роль иезуитов в становлении Лжедмитрия, появляется теория о двух самозванцах. Историография XIX – начала XX в. всё больше начинает обращать внимание на религиозный вопрос в деле самозванца, обсуждались такие его черты как развращённость, бродяжничество, невежество. Внешность самозванца не являлась актуальным вопросом и её описание оставалось классическим и каноничным.

Ключевые слова: Лжедмитрий I, неклассическая историография, Смутное время, самозванчество, дореволюционная историография, историческая мысль

Для цитирования: Антоновская Е.А., Худолеев А.Н. Образ Лжедмитрия I в отечественной неклассической историографии XIX – начала XX в. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 5. С. 97 – 102.

Поступила в редакцию: 23 июля 2023 г.; Принята в доработанном виде: 16 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 13 октября 2023 г.

Период Смутного времени – это критическое время для России, кардинально поменявшее политическое сознание русского человека, изменившее ход истории. В условиях внутреннего кризиса и на фоне загадочной смерти царевича Дмитрия появляются самозванцы, готовые занять русский престол. Лжедмитрий I – самая таинственная фигура этого времени, его личность пытались разгадать многие историки XIX века и до сегодняшнего дня нет точного ответа на вопрос «Кем был первый самозванец?».

В неклассической дореволюционной историографии актуальным стал вопрос о происхождении первого Лжедмитрия. Авторы исследовали не только источники, но и давали критические обзоры на работы историков-классиков, нередко, вступая с ними в полемику. Первая половина XIX века ознаменовалась появлением большого числа историков. Отечественная война 1812 года побудила вспомнить трудные для России времена – Смутное время. Так археограф А.Ф. Малиновский был уверен, что под новым царём скрывался самозванец Григорий Отрепьев («устрашённый хищник престола») [7, с. 9], но по причине недостаточного количества документов, он не мог этого доказать. Далее историк приходит к мысли, что, возможно, кто-то другой был специально с детства подготовлен в Польше к миссии самозванца. Малиновский

не ставил цель раскрыть личность первого самозванца, он создавал биографию князя Дмитрия Пожарского, а эпизодом про Лжедмитрия I объяснял негодование князя к полякам. Интересно, что Малиновский останавливался на описании убийства самозванца и довольно подробно его излагал. Таким образом, Алексей Фёдорович не давал каких-то подробных сведений о жизни и деятельности Лжедмитрия I, это не являлось целью автора. Он лишь приводил доказательства неистинности самозванца.

Военный историк и библиограф Д.П. Бутурлин склонялся к версии, что Лжедмитрий I – поляк [2, с. 154]. Признание самозванца Марфой Фёдоровной было необходимым для царствования на московском престоле. Бутурлин указывал на то, что царица была вынуждена под угрозами признать самозванца своим сыном. Бутурлин отмечал религиозный аспект правления Лжедмитрия I, автор считал Лжедмитрия противником православия. Самозванцу нужно было видеть на месте патриарха человека уклонного, податливого, который бы подчинялся его действиям. Таким человеком выступил Архиепископ Рязанский Игнатий [2, с. 154].

Историк описывал самозванца как человека невежественного, безрассудного и развратного. Самозванец любил танцевать, усмирять буйных

лошадей, бить медведей. Всё это было непривычным для русского народа, ни один царь до него так себя не вёл. На берегу Москвы реки самозванец выстроил себе деревянный дворец с изображением адского чудовища, которое пугало набожных россиян и усилило мнение о том, что престолом овладел чародей. Бутурлин трактовал этот дворец как пренебрежение Лжедмитрием прежнего жилища царей [2, с. 168]. Самозванец считал себя непобедимым и хотел всему свету показать свою силу, он готовился объявить войну Османской империи. Правление Лжедмитрия I началось «милостями и щедростями» во всех сословиях. Самозванец избрал такой путь не случайно, ему необходимо было заручиться поддержкой и любовью народа, он должен был стать любимым народом царём. Но в конце своего правления, отложив своё милосердие, Лжедмитрий тайно и жестоко наказывал тех, кто называл его расстригой, многих он заключал в темницы, других топил ночью [2, с. 191]. Бутурлин считал, что Лжедмитрий сам себя уничтожил, он пренебрегал очевидными признаками народного к себе охлаждения, он умышленно изыскивал новые средства к возбуждению против себя всех сословий. Таким образом, ярко вспыхнувшее правление Лжедмитрия I быстро угасло.

И.Г. Гурьянов не был историком; он – литератор и переводчик. Иван Гаврилович писал учебные пособия, сочинял игры для детей, разрабатывал путеводители; составлял компиляции, исторические работы и патриотические книжки. И.Г. Гурьянов придерживался точки зрения, что Лжедмитрий I – это Григорий Отрепьев, и довольно подробно излагал его биографию. Самозванец обладал следующими чертами: гордость, высокомерие, притворство, скрытность, злоба, но и хороший ум. В 14 лет Григорий закончил учиться и постригся в монахи [3, с. 10]. Гурьянов не знал, почему Отрепьев переходил из монастыря в монастырь и почему остался именно в Великой Лавре. На службу к патриарху он попал из-за того, что умел хорошо писать. Затем он услышал от кого-то неизвестного о своём сходстве с убитым царевичем Дмитрием и начал узнавать подробности дела об убийстве царевича. Следует сказать, что Гурьянов считал, что мысль о самозванстве возникла в голове Отрепьева из-за его «адской души» [3, с. 14].

В отличие от историков-классиков Гурьянов считал, что Марина Мнишек сама решила выйти замуж за самозванца, видя в нём наследника московского престола. Марфа согласилась на обман, вероятно, потому что хотела отомстить роду Годуновых, «в несчастье России видела для себя удовольствие» [3, с. 33]. Иван Гаврилович не давал каких-либо новых сведений о Лжедмитрии I,

так же он не проводил критический анализ источников и историографии.

Историк Н.С. Арцыбашев подробно изучал биографию Лжедмитрия I. Уже в начале повествования он указывает на поступки самозванца, оценивая их как отрицательные [1, с. 101]. В вопросе религиозности самозванца автор уверен, что лжецарь был приверженцем римской церкви, так как он не соблюдал православных обычаев, осмеивал их. Арцыбашев рассказывал о Лжедмитрии как о расточительном, невежественном и бесчеловечном царе. Историк не раз делает акцент на отношениях самозванца с поляками, именно они, по мнению историка, подготовили самозванца, который являлся Гришкой Отрепьевым [1, с. 115]. Как и многие историки XIX века Арцыбашев предполагал, что царица Марфа под страхом смерти признала Лжедмитрия своим сыном.

Публицист Н.М. Павлов (Бицын) считал, что появление самозванца не было случайным, оно назревало годами. Николай Михайлович винил русское боярство, в частности бояр Романовых, в появлении самозванца, но не исключал роли польских панов в формировании самозванца [8, с. 531]. Павлов, как и Н.М. Карамзин, указывал на предзнаменования, которые имели место быть перед появлением Лжедмитрия. Он писал про комету, которая в то время была замечена в небе. Публицист давал следующую характеристику внешности Лжедмитрия I: среднего или низкого роста; худощавый, но сложен атлетически; некрасивое, но довольно молодое лицо с тёмно-голубыми глазами; зачёсан по-студенчески, с малыми по сторонам светло-русыми кудрями [8, с. 542]. Самозванец любил вставить для украшения польские слова в речь, он был самоуверенным и грациозно наглым, пылким и славолубивым. Он хорошо разбирался в драгоценных камнях и редких вещах; обладал вкусом, проницательностью в людях; был жадным к роскоши, к чувственным удовольствиям [8, с. 543]. Являясь царственной особой, он мог сам дать оплеуху или ссечь голову его обидчику. В нём поражает легкомыслие разврата и безразличие к понятиям добра и зла. Он был воин. Лжедмитрий отличался некой избалованностью, необузданностью, он был равнодушен к добру и злу.

Николай Михайлович был заинтересован вопросом о личности Лжедмитрия. Автор не видел в самозванце Гришку, но и не говорил, кем он мог быть. Так, рассматривая биографию Басманова, он косвенно говорил о том, что Басманов служит самозванцу, что он признаёт его за царя, но не за сына Ивана Васильевича [8, с. 550]. В итоге Николай Михайлович пришёл к выводу, что поведение Лжедмитрия показывает в нём не сознательного

обманщика, не заведомого самозванца, а человека безгранично самоуверенного, «полного невежду о самом себе» [8, с. 551]. Другое доказательство, что самозванец не Отрепьев автор обосновывал следующим образом: у историка Де-Ту говорится, что самозванец некоторое время скитался по Ливонии и там же научился латинскому языку, при этом известно, что Отрепьев никогда не был в Ливонии. Интересна ещё одна мысль автора о том, что самозванца было два: один готовился иезуитами, а другой – врагами Годунова. По поводу признания Лжедмитрия Марфой Павлов писал, что царица не видела в обманщике истинного царевича, не видела в нём и Гришку Отрепьева.

Кем же был Лжедмитрий I на самом деле автор выяснить не смог, но он бы уверен в том, что самозванец – это орудие чужой интриги, он осуществлял заговор других лиц. Под этими лицами Николай Михайлович понимал, прежде всего, иезуитов. Именно они, по логике Павлова, должны были знать истинное лицо самозванца, потому что они его «сделали». Зачем иезуитам нужно было проворачивать такое дело? В этом вопросе автор видел план всемирного Римского католичества. Цель иезуитов вполне ясна: с помощью Лжедмитрия присоединить Русское государство к римской церкви, затем через католического царя освободить от турок Константинополь и, распространив унию в византийской империи, вести её далее на Индийский Восток. В заключение Павлов приводил ряд доказательств, что Отрепьев и самозванец – это два разных лица [8, с. 563].

Таким образом, в первой половине XIX века в отечественной неклассической историографии кроме популярной версии о том, что под самозванцем скрывается Григорий Отрепьев, появляется новая версия о двух самозванцах. Один был подготовлен московскими боярами против Бориса Годунова, другой – в Польше иезуитами. Данная точка зрения стала предметом дискуссий между историками-классиками и историками-неклассиками.

Вторая половина XIX – начала XX века в отечественной историографии была посвящена в большей степени критическим анализам ранее известных работ, исторические документы рассматривались под новым углом зрения. Богослов П.С. Казанский доказывал теорию тождества Лжедмитрия I и Гришки Отрепьева. По его мнению, самозванец с самого появления в Польше не скрывал, что он укрывался в России под именем Григория Отрепьева [4, с. 5]. Пётр Симонович проводил параллель между Лжедмитрием I и Емельяном Пугачёвым. История Пугачёва может служить объяснением, почему Отрепьев выдавал себя за царевича Дмитрия [4, с. 30]. Пугачёву внушили, что он

похож на царя Петра III и направили его к Яицким казакам, так как те были притеснены. В истории Лжедмитрия I похожий сюжет.

Внешность Лжедмитрия напоминала царевича Дмитрия: бородавка около носа, одна рука короче другой. Казанский делает предположение, что самозванец мог хирургически сделать себя похожим на царевича Дмитрия. Лжедмитрий не носил бороды, чтобы она не напоминала о его монашеском прошлом [4, с. 24]. Если самозванец, действительно, имел сходство с царевичем Дмитрием, то указание на эти сходства могло породить мысль о самозванчестве у Отрепьева. Казанский даёт и весьма абсурдное объяснение появления самозванца – это гадание, Лжедмитрий мог обратиться к колдовству, чтобы узнать об исходе его замысла. Историк не готов утверждать, что Лжедмитрий был подготовлен иезуитами, так как наряду с доказательствами в пользу этого мнения есть и возражения, но иезуиты явились самыми рьяными сторонниками Лжедмитрия [4, с. 484]. Автор не верит и в то, что самозванец был подготовлен заранее в Польше.

Н.М. Левитского как историка и русского духовного писателя интересовал, прежде всего, религиозный аспект деятельности Лжедмитрия I. Автор считал, что пропагандистом католицизма в Москве должен был выступить именно Лжедмитрий I, он сам взял на себя такую миссию в Польше [5, с. 671]. Никандр Матвеевич рассматривал два взгляда на Лжедмитрия I, как пропагандиста католицизма. Первая версия говорит о том, что Лжедмитрий был фанатичным католиком, адептом римской церкви, готовым применить все способы для распространения католицизма в России [5, с. 673]. Этой версии придерживались современники самозванца и иностранцы-протестанты. Вторая версия, напротив, утверждает, что Лжедмитрий не был предан католицизму и не распространял его в России [5, с. 674]. Этой теории придерживались историки, такие как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, Н.И. Костомаров, П.С. Казанский. Н.М. Левитский не видел у Лжедмитрия особенной ревности к католицизму и считал его религиозным индифферентистом.

Историк был крайне обеспокоен вопросом «окаатоличивания» России [5, с. 676]. Автора не интересовало, кем был на самом деле самозванец, как он выглядел. Ему достаточно того, что царствовавший в Москве под именем Дмитрия Ивановича не был сыном Ивана Грозного [6, с. 377]. Характер самозванца духовный деятель характеризовал как нетвёрдый и невыдержанный. Обоснование таких черт автор видел в образе жизни Лжедмитрия как скитальца и бродяги. Во время своих странствий самозванец встречался со мно-

гими людьми самых разнообразных взглядов. При этом автор указывал на живую, любознательную, впечатлительную натуру, одаренную хорошими способностями. Левитскому был интересен вопрос о тех обстоятельствах жизни самозванца, которые оказали влияние на его религиозные убеждения. Со слов автора, москвичи признавали самозванца как русского и православного, иезуиты не смогли перевоспитать Лжедмитрия. Таким образом, сложно сделать вывод о ревностных католических воззрениях Лжедмитрия, но и назвать самозванца истинным православным христианином тоже нельзя, в связи с этим шансы внедрить католичество в Россию при Лжедмитрии I были весьма низкими.

Русский католический священник немецкого происхождения, доктор богословия П.О. Пирлинг полагал, что в Угличе погиб не царевич Дмитрий, а другой ребёнок [9, с. 43]. На вопрос о том, кем был первый Лжедмитрий, Пирлинг приводил официальные сведения и отвечал, что это был Гришка Отрепьев – «проходимец и бывший Романовский холоп» [9, с. 120]. Он постригся в монахи, чтобы избежать казни и скитался по монастырям. Самозванец нуждался в поддержке Польши, ему необходим был покровитель, которым стал Ю. Мнишек. Брак лжецаревича с Мариной Мнишек должен был закрепить отношения покровительства. Мнишек был человеком алчным и расчётливым, поэтому Лжедмитрий дал множество обещаний относительно его семьи. Павел Осипович создавал образ Лжедмитрия как жертвы и мстителя. Его дело было святым и национальным в глазах народа. Именно народ должен был очистить свою совесть, взять оружие и свершить суд над Годуновым-наильником, а на престол возвести истинного государя [9, с. 159].

Пирлинг уделял особое внимание эпизоду признания царевной Марфой своего сына. Он видел цель лжи Марфы в том, что, признав Лжедмитрия своим сыном, она возвращала себе титул царицы-матери. Характеризуя личность Лжедмитрия, Пирлинг указывал на то, что в различные этапы жизни самозванец был разным человеком. В его характере не было выраженных черт, но можно чётко проследить воинственность и честолюбие. Любимым отдыхом самозванца была охота, на который он демонстрировал ловкость и смелость. Лжедмитрий олицетворял царя нового типа, в правлении склонялся к абсолютизму, но в других делах самозванец придерживался либерализма.

П.О. Пирлинг считал, что все рассказы относительно распущенности Лжедмитрия не достоверны. Эпизод с тридцатью беременными девушками, который повторяется у многих историков, вызывает сомнения у Павла Осиповича. Появление са-

мозванца Пирлинг объяснял не только польской интригой, но и внутренними условиями, сложившимися в Русском государстве, от которых страдали все слои населения; иноземное вмешательство было вызвано именно внутренней общегосударственной смутой [9, с. 398]. В вопросе происхождения самозванца Пирлинг доверял его автобиографии, рассказанной им для Адама Вишневецкого. До Пирлинга никто не уделял должного внимания этому документу. Костомаров пользовался искажённой версией Товиановского и придавал ей второстепенное значение.

По происхождению Лжедмитрий был русский, на что о. Пирлинг обращал внимание. В качестве доказательств он приводил письмо Лжедмитрия к папе Клименту VIII, самозванец хотел заручиться покровительством папы и показать себя усердным католиком. Исследуя данное письмо, о. Пирлинг пришёл к выводу, что составитель письма и переписчик – два разных человека [10, с. 15]. Таким образом, исследование П.О. Пирлинга приводит нас к следующим выводам: Лжедмитрий выступал как орудие католической экспансии; самозванец – это русский человек по происхождению и продукт русского заговора, не польского; главными мотивами деятельности лжецаря стали личные интересы.

Ученик С.Ф. Платонова историк А.Е. Пресняков считал причиной «самозванщины» борьбу внутри правящей среды между княжеской знатью и чиновным боярством, значение которого было подорвано антагонизмом главных его представителей – Годунова и круга бояр Романовых [11, с. 15]. Он считал, что самозванец – это Гришка Отрепьев и подготовили его московские бояре. Успех Лжедмитрия I был вызван бессилием государственного центра, разладом общественных элементов, поддержкой буйного населения Северной Украины и помощью казачества.

Таким образом, историки-неклассики XIX – начала XX вв. не пришли к единому выводу относительно личности первого самозванца. В научном поле историков-неклассиков в большей степени была распространена точка зрения, что Лжедмитрий I – это Гришка Отрепьев (А.Ф. Малиновский, И.Г. Гурьянов, П.О. Пирлинг). Н.М. Павлов не видел в самозванце Гришку, но и не установил кем он мог быть. В вопросе происхождения Лжедмитрия I историки-неклассики так же не едины во мнении: Д.П. Бутурлин считал, что Лжедмитрий был поляком, в то время как П.О. Пирлинг доказывал русское происхождение самозванца, Н.М. Левитский упоминал, что самозванец родом из России. Н.М. Левитского не интересовало кем был на самом деле самозванец, им достаточно того факта, что это не сын Ивана Грозного.

Вопрос о том, кто подготовил самозванца оставался актуальным и в среде историков-неклассиков. Н.М. Павлов видел русское боярство, в частности бояр Романовых, виновных в появлении самозванца, но не исключал роли польских панов в формировании самозванца. Николай Михайлович выдвигал версию о двух самозванцах (один готовился иезуитами, другой – врагами Годунова). Пирлинг называл главными мотивами деятельности лжецаря его личные интересы. Появление самозванца Пирлинг объяснял внутренними условиями, сложившимися в Русском государстве. Н.М. Левитский, являясь духовным лицом, полагал, что Лжедмитрия I подготовили иезуиты.

В вопросе внешности и характера самозванца можно выделить различные описания. Д.П. Бутурлин описывал самозванца как человека невежественного, безрассудного и развратного; самозванец считал себя непобедимым и хотел всему свету показать свою силу. Н.М. Павлова удивляла склонность самозванца к разврату и поражало безразличие к понятиям добра и зла. П.О. Пирлинг создавал образ Лжедмитрия как жертвы и мстителя. О характере самозванца духовный деятель Н.М. Левитский высказывался как о нетвёрдом, невыдержанном. Обоснование таких черт автор видел в образе жизни Лжедмитрия как скитальца и бродяги, при этом указывал на живую, любозна-

тельную, впечатлительную натуру, одаренную хорошими способностями. Характеристику деятельности самозванца авторы описывали примерно одинаково. Правление Лжедмитрия I началось с милостей, ему необходимо было заручиться поддержкой и любовью народа, он должен был стать любимым народом царём. Первостепенным вопросом для Лжедмитрия встал военный вопрос. Со вступлением лжецаря на престол замечается оживление торговли в России. Лжедмитрий I обратил внимание на справедливость и законность. Историки-неклассики уделяли большое внимание религиозному аспекту в появлении самозванца, рассматривая роль иезуитов в подготовке Лжедмитрия.

Отдельный вопрос, который рассматривали историки-неклассики – это признание Марфой Лжедмитрия. Все авторы сходятся во мнении, что царица-мать не видела в самозванце своего сына, она была вовлечена в обман, ей внушили, что если она не признает самозванца за своего сына, то потеряет свои привилегии. И.Г. Гурьянов считал, что Марфа согласилась на обман, чтобы отомстить Годуновым. Встреча самозванца с Марфой являлась расчётом возбудить сочувствие и умиление народа, данный эпизод казался простым и трогательным, ничего заранее подготовленного или искусственного не наблюдалось.

Литература

1. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М.: Университетская типография, 1843. Т. 3. 862 с.
2. Бутурлин Д.П. История смутного времени в России в начале XVII века. СПб.: типография А. Смирдина, 1839. 278 с.
3. Гурьянов И.Г. Появление в России первого ужасного самозванца Дмитрия, Григория Отрепьева и его низвержение. М.: Тип. В. Кирилова, 1839. 48 с.
4. Казанский П.С. Исследования о личности первого Лжедмитрия // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 8. С. 5 – 33.
5. Левитский Н.М. Лжедмитрий I, как пропагандист католичества в Москве // Христианское чтение. 1885. №5. URL: http://www.odinblago.ru/lzhedmitry1_prop_katol (дата обращения: 10. 02. 2021)
6. Левитский Н.М. Из истории Лжедмитрия I // Христианское чтение. 1883. № 9. С. 376 – 410.
7. Малиновский А.Ф. Биографические сведения о князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. М.: типография С. Селивановского, 1817. 110 с.
8. Павлов Н.М. Правда о Лжедмитрии. М.: типография Бахметева, 1864. 89 с.
9. Пирлинг П.О. Дмитрий Самозванец: Конец дома Рюриковичей; Легенда об императоре; Апогей и катастрофа; Поляки в Кремле. М.: Сфинкс, 1911. 511 с.
10. Пирлинг П.О. Из смутного времени. СПб.: издание А. С. Суворина, 1902. 269 с.
11. Пресняков А.Е. Московское государство первой половины XVII века // Три века. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина 1912. Т. 1. С. 4 – 58.

Referencis

1. Arcybashev N.S. Povestvovanie o Rossii. M.: Universitetskaja tipografija, 1843. T. 3. 862 s.
2. Buturlin D.P. Istorija smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka. SPb.: tipografija A. Smirdina, 1839. 278 s.
3. Gur'janov I.G. Pojavlenie v Rossii pervogo uzhasnogo samozvanca Dimitrija, Grigorija Otrep'eva i ego nizverzenie. M.: Tip. V. Kirilova, 1839. 48 s.

4. Kazanskij P.S. Issledovanija o lichnosti pervogo Lzhedmitrija. Russkij vestnik. 1877. T. 131. № 8. S. 5 – 33.
5. Levitskij N.M. Lzhedmitrij I, kak propagandist katolichestva v Moskve. Hristianskoe chtenie. 1885. №5. URL: http://www.odinblago.ru/lzhedmitry1_prop_katol (data obrashhenija: 10. 02. 2021)
6. Levitskij N.M. Iz istorii Lzhedmitrija I. Hristianskoe chtenie. 1883. № 9. S. 376 – 410.
7. Malinovskij A.F. Biograficheskie svedenija o knjaze Dmitrii Mihajlovicze Pozharskom. M.: tipografija S. Se-livanovskogo, 1817. 110 s.
8. Pavlov N.M. Pravda o Lzhedmitrii. M.: tipografija Bahmeteva, 1864. 89 s.
9. Pirling P.O. Dimitrij Samozvanec: Konec doma Rjurikoviczej; Legenda ob imperatore; Apogej i katastrofa; Poljaki v Kremlje. M.: Sfinks, 1911. 511 s.
10. Pirling P.O. Iz smutnogo vremeni. SPb.: izdanie A. S. Suvorina, 1902. 269 s.
11. Presnjakov A.E. Moskovskoe gosudarstvo pervoj poloviny XVII veka. Tri veka. M.: Tip. T-va I.D. Sytina 1912. T. 1. S. 4 – 58.

*Antonovskaya E.A.,
Zagorskaya secondary school, Novokuznetsk,
Khudoleev A.N., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute,
Kemerovo State University*

The image of False Dmitry I in the Russian non-classical historiography of the XIX – early XX century

Abstract: the article is devoted to the study of the construction of the image of False Dmitry I in the works of non-classical Russian historians of the XIX – early XX century. The first impostor is the most mysterious figure in the history of the Time of Troubles. Many pamphlets and books were written about him in Europe, and he became an important character in the first European newspapers. The personality of False Dmitry I interested not only historians, the liar becomes the main character among writers, publicists, writers and theologians. The analysis of non-classical historiography shows that there is no unambiguous opinion about the image of the impostor. At this time, discussions between historians begin, approaches to the study of historical sources about the liar are discussed, the role of the Jesuits in the formation of the False Dmitry is evaluated, a theory about two impostors appears. The historiography of the XIX – the beginning of the XX century is increasingly beginning to pay attention to the religious question in the case of the impostor, discussed features as depravity, vagrancy, ignorance were condemned. The appearance of the impostor is not an urgent issue and its description remains classical and canonical.

Keywords: False Dmitry I, non-classical historiography, Time of Troubles, imposture. historical thought, pre-revolutionary historiography

For citation: Antonovskaya E.A., Khudoleev A.N. The image of False Dmitry I in the Russian non-classical historiography of the XIX – early XX century. Historical Bulletin. 2023. 6 (5). P. 97 – 102.

Received: July 23, 2023; Revised: August 16, 2023; Accepted: October 13, 2023